

«Да осенит тишина...»

**ГОСПОДИ, КАК ЖЕ
ЩЕДРА НАША
ЗЕМЛЯ
ТАЛАНТАМИ!
И КАК ЩЕДРО
ОНА ИМИ
РАЗБРАСЫ-
ВАЕТСЯ!..**

В Доме актера (бывшем, до пожара) она, зритель, пробирается к своему месту в зале, маленькая, чуть сутулая, высоко подняв правое плечо, что есть признак «вещи в себе», наклонив голову немного вбок, хрупкий, застенчивый человек, бегун на длинную дистанцию (как назвала сама себя), антизвезда. Много лет она — лауреат Ленинского комсомола и уже заслуженная РСФСР, однако это ничего не значит, не только потому, что жизнь по-прежнему трудна, всякая, бытовая и артистическая, последняя еще больше, и не только потому, что расстояние до идеала, назовем это так, по-прежнему то же (приближения редки и мгновенны, а понимание своего места устойчиво трезво), но и потому, что звания на самом деле ничего не стоят, а стоят совсем другие вещи, о которых ниже.

Но я смотрю не изнутри. Я смотрю из публики. Из зала, когда она — на сцене. И думаю: если гений — это дар, труд, свой путь и высшая степень свободы, — ей-богу, она гений.

Она выходит на сцену Театра эстрады (концерт здесь)

так же — с приподнятым правым плечом, скованная, немного нелепая, в первом отделении — в грубоотканом балахоне и грубых ботинках, во втором — в вечернем черно-белом костюме и туфельках на каблучках, и начинает сразу. Сразу преображается. И преображая нас. Двое встали и вышли — не туда попали, не на то, видно, шли. Зато остальные — ее публика. Принимающая и любящая горячо. Если не давно, то недавно. Если не недавно, то начало положено тут, на концерте, услышали и пошли за нею туда, куда позвала.

Грубоотканый балахон — ее. Он подходит ей, она подходит ему. Но и вечернее черно-белое — ее тоже. Артистка, циркачка, клоун. Художник. Явление культуры. Елена Камбурова. То, о чем второе отделение — «Монолог клоуна», «Песенка об актерах», «Балаган», — она. Но и о чем первое — «Где же наши кони», «Над полем Куликовым», «Баллада о смерти Ивана Грозного», «Юридический», — тоже она. Судьба и характер художника слиты с характером и судьбой народа. Не то, что пропущено через себя, — а выражено, порождено внут-

ренней природой, артистическим талантом и болью жизни, трудом познания и самопознания.

Она начинала как драматическая актриса (после циркового училища и ГИТИСа). Для нее необычайно важны тексты. Недаром буклет, почти не содержащий привычной для этого жанра информации, в избытке представляет информацию поэтическую. Помимо «Поэзии и музыки, звучащих на концертах» (так озаглавлено) — просто стихотворные и прозаические фрагменты Окуджавы и Левитанского, Яна Красса и Луи Арагона. Как объяснение. Как приглашение в дом. Образ начинается, вырастает из поэтического, словесного содержания, во всякой песне — свой. Продолжается, оформляется музыкально, стилем, интонацией, «написанный» голо-сом, как кистью. Кистью и краской. В «картину» включается самый тембр голоса. Она может петь дискантом или голосом оперной певицы, надтреснутым голосом старухи или смешного зверька, может петь высоко и низко, звонко и хрипло, светло и мрачно, с юмором и трагически, таинственно и распахнуто, остро, лукаво, сильно, холодно, задыхаясь, торжественно, вдребезги разбивая сердце и сгорая в полете, она кричит, плачет, признается, томится, вопрошает, молится, знает, дает надежду, скорбит и утешает.

Тем, кто имеет счастье знать Камбурову годы, виден путь. Эта девочка, этот подросток, эта женщина с угловатыми движениями, из которых другая певица сделала бы себе «имидж», а Камбурова ничего не делала и не делает, какая есть, естественная, пластичная своей особой пластикой, она долго-долго шла... к себе? Но она нашла себя сразу. К нам? Но

и мы, те, кто узнал и принял ее, сделали это сразу. Утверждала себя? Но она не из тех, кто гонится за самоуверждением. Тем не менее все вместе, и еще многое другое, где главное — служение, составило путь. К освобождению, к обретению свободы. Такой полной и такой всемогущей. Камбурова видится мне сегодня мастером, который может все. Ее репертуар огромен. Это при том, что велико внутреннее самоограничение. Только то и только так, что есть ее мир, ее жизнь, ее «верую».

— Свобода?.. Спасибо. Это вы сказали мне главное. Во всяком случае я на пороге ее обретения. Я помню первые статьи: скупой жест, как это верно... А не скупой, а зажатый. Меня не слушался мой голос, я работала на ужасающих аппаратах и лишь через годы поняла, что голос должен проходить через хорошую технику. тогда обретается свобода. Это как лицо можно снять хорошей техникой, а можно плохой, и это будут два разных лица...

— Освобождение пришло внезапно? Как озарение?

— Нет, как выздоровление. Это был медленный процесс, и помогли зрители. Я считала их своими партнерами. Я придумала себе идеального зрителя, но многие сделали еще выше. Долгие годы я попадала на ужасающую аудиторию, этих людей мне и по сей день безумно жалко. Условия жизни так сложились для них, и они сами ничего не сделали для того, чтобы узнать больше, чем дважды два четыре, не хотели знать. Помню хорошо один солдатский зал. Милые ребята... Но какой гогол, едва я объявляю название. «Я такое дерево» Таривердиева — гогол. «Мне хотелось бы» Таривердиева на стихи Поженяна — гогол. Если бы я хоть как женщина предоставила

им зрелище, а то нет...

От соловьиной нежности пропетых ею историй, равно как и от волчьего отчаяния, порой перехватывает горло. Это — ники ее концерта. Таких пиков — не один. Но, может быть, высочайший — Высоцкий пик — о том, кто недопел, недобежал, недолюбил, вы знаете эту вещь. Высоцкий пел ее, как... как Высоцкий. Камбурова — как Камбурова. Иначе, совсем по-другому, наборматывая, шепча скороговоркой, сухо, зажимая себе глотку, чтобы не прорвалось рыдание, а оно, задавленное, все равно угадывается. Мы не ведали, не подозревали, что так можно (необходимо!) исполнять эту песню Высоцкого, оставленные Высоцким, оставившим нам эту песню о певце. Мера в безмерности — так можно определить знак Камбуровой на песне, знак открытия и утверждения.

— Как вы сбываете форму песни? Откуда вы знаете, где нужен этот горячий, почти злой шепот, где сдавленность, а где крик?

— За долгие годы одно точное ощущение: есть магия сцены. Не для вас, для меня. В жизни я гораздо примитивнее, менее сообразительна, менее эмоциональна, с какими-то шорами... но стоит выйти на сцену, что-то со мной происходит... Иногда я выхожу буквально с полуфабрикатом, то есть, по большому счету, и права-то не имею...

— Вы хотите сказать, что рождение происходит прямо на сцене?

— Конечно, песня выучена, слова уложены в мелодию. Но я совершенно не представляю, какая она будет в результате, как выпоется. Если бы у меня был режиссер, процесс был бы короче. Но зато здесь цементируется больше, я прислушиваюсь кожей... И всегда знаю, что не получа-

ется. Мне кажется, при всей насущной весомости слова, Камбурова может быть понятна англичанину и французу, испанцу и немцу — ее музыкальность беспредельна, а выразительность совершенна.

Тем более странно, что ее почти «не вывозят», не «делают» на ней валюту... Не хочу, не люблю побивать одно другим — считаю, пусть сосуществуют все, коли не насыльники и не убийцы, — и все равно не могу понять, почему советский эфир так идиотически щедро распространяет словесно-музыкальное убожество, нищее смыслом и красотой, делая нищими и убогими нас, и отворачивается от того, что может нас обогатить! Деньги? Коммерция? Ничайший уровень тех, кто платит, заказывая музыку, и кто выполняет заказы? Заколдованный круг.

— Друзья говорят, а ты не будь в этом, пусть они там себе... Но это то же самое, что — пусть там загрязняются реки, а ты сиди у своего моря. До твоего моря дойдет та же самая река! Это все общая история. И лучше что-то делать, чем ничего не делать... Я чувствую себя маленьким отрядом, маленьким дивизионом, оказывающим сопротивление там, где сдаются... Я бросаю зерна в почву, усеянную другим... и они глохнут...

Она: поэт Блока, Мандельштама, Ахматову, Цветаеву, Ахмадулину, Самойловой, Окуджаву... Ее композиторы — Дашкевич, Гладков, Шварц и обязательно те, с кем она работает — Критская, Виницкий, Синкин. На ее концертах люди не отдыхают. Они работают. Они сотрудничают с артисткой. Эта работа по внутреннему, душевному усовершенствованию. Она легка. Зато как награда после трудной дороги такие вещи, как «Да осенит тишина»

Дашкевича на слова Кима. Я не могу передать высокую, святящуюся музыку, я могу привести слова:

Жажда уставших коней да утолитса зерном.
Жажда сожженных полей да утолитса посевом.
Да осенит тишина сердца, разоренные страхом и гневом,
как осеняют березы отеческий дом...
Слезы горячие наши да одолеют броню.
Души незрячие наши да сподобятся вечного света.

Не погуби, пощади, пожалей, возлюби человек человека.
И проститса тебе на земле и воздастса в раю...

«Я бросаю зерна в почву... и они тлохнут...» Да нет. Глохнут не все.

«Божественная и несравненная Елена Антоновна! Ваш Реквием ровно год назад в этом же зале перевернул и переименил многое во мне, о чем не сказать... и ожил Собор...»
«Непреодолимая потребность что-то сделать для Вас...»

«Вы великая певица-актриса. Прочтите эту записку вслух. Пусть знают все.»

Так что же стоит для Елены Камбуровой в этой жизни, о чем собиралась сказать ниже? А вот все то, о чем выше.

Я думаю, во Франции, скажем, она давно была бы национальной героиней, символом. У нас она — выдающийся художник, о чем знают десятки, сотни, тысячи — но не сотни тысяч, как тому следовало быть. Господи, как же щедро наша земля талантами! И как щедро она ими разбрасывается!..

Ольга КУЧКИНА.

Фото Н. ЧИРЯСОВОЙ.

Момонтовыские архивы. - 1990. - Давбурава - с. 4